

В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко

«Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста к прецедентному раритету

«Евгений Онегин» является прецедентным макротекстом, дающим собственно прецедентные феномены и нечастотные единицы – интертекстовые прецедентные раритеты. Возникает функциональная амплитуда: от прецедентного текста и прецедентного феномена к интертекстовому прецедентному раритету, когда почти весь текст произведения готов в той или иной степени к цитированию. При лексикографической интерпретации интертекстового материала упор делается на приемы адаптации авторского слова, среди которых выделяется интертекстовая деривация и редеривация, импликация и экспликация, текстовые реакции, интертекстовая доминанта и нарративные сопроводители, модификация исходного выражения, интерпретационная парадигматика. Интертекстовые единицы целесообразно рассматривать функционально, прежде всего с учетом изменяемости, вариантности, структурного и семантического дробления, ассоциативной подвижности, «антинормативности».

Ключевые слова: макротекст, микротекст, прецедентный феномен, прецедентный раритет, сегментация, ассоциативность, модификация авторского слова, интертекстовая деривация.

Для цитирования: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста к прецедентному раритету // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 158–177. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_158. EDN: HOZNCW

В 1823 году Пушкин начинает работу над «Евгением Онегиным». Онегинское слово со временем занимает одно из центральных мест в корпусе интертекстовых единиц русской словесной культуры [29]¹. Участки употребления онегинских цитат – публицистика, художественная, научная и научно-популярная литература, эпистолярное творчество, дневники, реклама. В XXI веке интертекстовая активность перемещается в пространство Интернета, где встречаются реакции на тему, заголовки сообщений, сканворды, вопросно-ответные чаты и т. п. [20, с. 3].

¹ В статье в иллюстративных примерах интертекстовые элементы выделяются прописными буквами.
© Мокиенко В. М., Сидоренко К. П., 2023

Словам и выражениям, восходящим к тексту «Евгения Онегина», посвящен словарь-справочник крылатых выражений, цитат, образов, подготовленный авторами данной статьи. Роман в стихах рассматривается как текст, «вбирающий и пропускающий через себя иные тексты, и как источник “чужого слова”» [19, с. 5].

В основу этого лексикографического опыта положены принципы, разработанные в двух предшествовавших изданиях, в которых «классическое крылатое слово получает уточнение при введении в исследовательский обиход таких выражений, как крылатая единица, инотекстовое вкрапление, чужое слово, цитата, реминисценция, мотив, прецедентный текст и пр.» [20, с. 20], а нарушение «канонического слова позволило выявить определенные закономерности» [21, с. 3]. Опыт словаря содержит более 1000 словарных статей, при этом материал довольно разнороден в структурном и семантическом отношении. В словник включены фразеологизированные единицы, афоризмы, сентенции, получившие статус пословиц, цитаты (прямые и скрытые, точные и измененные), аллюзии, отдельные слова, случаи межтекстового параллелизма, а также разного рода модификации, шутливые подражания, пародирование, языковая игра и т. п. «Евгений Онегин» может быть причислен к тем явлениям словесной культуры, которые относятся к «прецедентным текстам» [9, с. 216], т. е. произведениям относительно известным, сохраняющимся в памяти народа.

Материалы и методы

Прецедентные тексты являются источником как прецедентных феноменов, так и редких, иногда единичных выражений. Показательно, что материал из «Евгения Онегина» используется в словарях разного времени и различных по своим целям. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., работа над которым шла при жизни Пушкина, цитаты из романа в стихах – не редкость. Так, толкование глагола «намарывать» сопровождается иллюстрацией «*Что намарал я свой портрет, Как Байрон, гордости поэт*», наречие «намедни», соответственно, «*Порой дождливою намедни Я заглянул на скотный двор*» [32, с. 382]. Даже в толковом словаре кратко-

го типа С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой используется материал романа в стихах, хотя и очень ограниченно. Так, толкование термина «антитеза» сопровождается примером: «Поэтическая антитеза. Лед и пламень в “Евгении Онегине”» [28, с. 23].

Прежде всего, отметим вошедший в круг словесной культуры материал «общеизвестный», хрестоматийный. Такие выражения вводятся в состав популярных лексикографических изданий, в том числе, в составе заданий, упражнений (*наука страсти нежной; волна и камень; мы все учились понемногу; гусей крикливых караван; кудри черные до плеч; мечтам и годам нет возврата; морозной пылью серебрится его бровь; воротник; мы все глядим в Наполеоны* и др.).

Однако лексикографический парадокс состоит в том, что «Евгений Онегин» выступает как источник большого количества редких, но, как правило, не уникальных единиц, сохраняющих потенциальную прецедентность, готовность к применению в речи (*авось, дороги нам исправят; безрукий князь; бегут за делом и без дела; вид в окно сквозь сумрак лунный; вздохнуть о сумрачной России; вулкан Неаполя пылал; выходит на дорогу волк; гребенки, пилочки стальные; дитя расчета и отваги; и первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь; Лепажка стволы роковые; и сливки мальчик подавал; моря достались Албиону; на красных лапках гусь тяжелый; назло правописанью; обжорливая младость; он сердцем милый был невежда; идет меж кресел по ногам; перед избушкой две рябины; по чашкам темною струею уже душистый чай безжал; полужуравль и полукот; роптанье вечное души; стаи галок на крестах; светил небесных дивный хор; сердись иль пей; столбик с куклою чугуновой; холоднокровный генерал; царубийственный кинжал; читал духовными глазами* и мн. др.). Подобные единицы можно назвать интертекстовыми прецедентными раритетами, энергия которых обусловлена значимостью всего текста «Евгения Онегина». Они и составляют основу упомянутого выше опыта словаря. Подобное расширительное понимание и применение терминологического обозначения «крылатое слово» лежит в основе фундаментальной книги С. А. Коваленко, которая отмечает относительную частотность и известность цитатных единиц, что требует в каждом случае «историко-функционального подхода» [10,

с. 7]. Как пример новейшего специализированного издания прецедентных имен и высказываний можно привести словарь «Крошка сын к отцу пришел», ориентированный на детскую литературу и предназначенный для «сохранения национального культурного кода» [35, с. 9].

Наша попытка почти 30 лет тому назад минимизировать пушкинский материал не состоялась и по мере работы привела к стремлению учесть «практически все, что вышло из-под пера Пушкина» [21, с. 5]. Таким образом, сформировалась интерпретационная последовательность: прецедентный текст – прецедентный феномен – прецедентный раритет.

Результаты

О силе цитатного потенциала романа в стихах свидетельствует использование онегинского слова в письмах и дневниках современников Пушкина. Многочисленные примеры можно найти, например, в дневниковых записях В. К. Кюхельбекера. Так, в 1832 г. в оценке главы 8 «Евгения Онегина» он приводит несколько измененные слова о Татьяне (8, VII): Перечел я также 8-ю главу «Онегина». <...> История знакомства Поэта с Музой прелестна – особенно 4 строфа: но жлет Пушкин, чтобы музе **НРАВИЛСЯ**

ПОРЯДОК СТРОЙНЫЙ

ОЛИГАРХИЧЕСКИХ БЕСЕД

И ХОЛОД ГОРДОСТИ СПОКОЙНОЙ etc.» [11, с. 101].

В другом месте дневника (1832) В. К. Кюхельбекер использует стихи из гл. 8, XXXVI: «Получил письмо от моей доброй сестры Улиньки. Принесли мне это письмо, когда я читал Сарычева «Путешествие». Потом я хотел опять продолжить чтение, но, как Онегин,

МЕЖ ПЕЧАТНЫМИ СТРОКАМИ

ЧИТАЛ ДУХОВНЫМИ ГЛАЗАМИ

ИНЫЕ СТРОКИ» [11, с. 126].

В. А. Мануйлов обращает внимание на цитирование этих слов Пушкина в черновой рукописи «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова («Княжна Мери»), в окончательной редакции получивших перефразирование [14, с. 233]. Выражение начинает употребляться, и спустя полтора века находим случаи обыгрывания, например:

А что он видел: луг да ели,
 когда торфа под ними тлели,
 или прозрел, как тот герой,
 Кто МЕЖ ПЕЧАТНЫМИ СТРОКАМИ
 ЧИТАЛ ДУХОВНЫМИ ГЛАЗАМИ?

И я так паялился порой.

(О. Чухонцев. Прощание со старыми тетрадами).

Интертекстовый раритет, получая распространение, «стремится» стать прецедентным феноменом. В литературно-критическом журнале «Атеней» (1828, № 4) М. А. Дмитриев приводит как неудачный стих НА КРАСНЫХ ЛАПКАХ ГУСЬ ТЯЖЕЛЫЙ, ЗАДУМАВ ПЛЫТЬ ПО ЛОНУ ВОД (4, XLII), отмечая «ненужное часто обилие в выражениях и наконец недосмотр в составе стихов» [6, с. 52]. Этот же оборот вводится как пример использования в поэзии «живой речи» Р. О. Якобсоном [38, с. 287], который отмечает ее влияние на русскую поэзию и отрицательное отношение к этому критиков. Этнографы и лингвисты неоднократно фиксируют соотношение «гусь – лед», на котором основан паремиологический мотив, порождающий серию пословиц. Например, Д. Я. Медриш отмечает: «Из домашних животных больше других зависит от движения времен года ГУСЬ <...> У Пушкина: "НА КРАСНЫХ ЛАПКАХ ГУСЬ ТЯЖЕЛЫЙ, ЗАДУМАВ ПЛЫТЬ ПО ЛОНУ ВОД, СТУПАЕТ БЕРЕЖНО НА ЛЕД, СКОЛЬЗИТ И ПАДАЕТ"» [16, с. 95].

Интертекстовая преемственность сопровождается бесконечным рядом модификаций. Обращение к обыгрыванию исходного выражения позволяет вводить в словари «явные или – чаще – скрытые, точные или измененные – цитаты» [7, с. 4]. Так, эпиграф к гл. 2 «Евгения Онегина» (О rus! Ног. О Русь!) комментируется Ю. М. Лотманом, отмечая «каламбурное противоречие» [13, с. 175] слов Горация. Прием обыгрывания как интертекстовый дериватор получает продолжение у А. И. Герцена в ироническом восклицании, повторяющем депозитизированную Пушкиным цитату из Горация. При этом Польша выступает как частное по отношению к общему (т. е. Российской империи), что придает дополнительную иронию всему высказыванию: «Здесь есть один таможенный чиновник из Польши – услаждает меня анекдотами. О РУСЬ!» (А. Герцен – Н. П. Огареву, 28 января 1865 г.).

В другом случае возникает соотнесение с каламбурным противоречием, нарочито используемым Пушкиным: «В то лето я каждый вечер проезжал мимо золотой от заката избы, на черном пороге которой всегда в это время стояла Поленька, однолетка моя, дочь кучера. Она стояла, опершись о косяк, мягко и свободно сложив руки на груди – воплощая и RUS и РУСЬ, – и следила за моим приближением издали с удивительно приветливым сиянием на лице» (В. Набоков. Другие берега).

Встречается и тройная контаминация (Гораций–Пушкин–Гоголь), когда в интертекстовый ряд вводятся слова из «Мертвых душ» «Русь! Куда ж несешься ты? дай ответ». Возникающее в примере ниже «росс» создает ассоциативный соблазн расширить интертекстовое микрополе, вспомнив пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» («В Париже росс! – где факел мщенья?»):

О, RUS – сказал Гораций как-то.
О РУСЬ, так Пушкин поддержал.
О Рос, ему ты вторишь с тактом
Де-факто и империал.
Империя за все в ответе.
Пора, пора...
(М. Берг. Рос и я).

В другом случае слова Горация уходят в подтекст, присутствуют имплицитно, остается Пушкин и Гоголь («Русь – тройка»): «Бедный Гоголь! Его возглас (как и пушкинский) "РУСЬ!" охотно повторялся шестидесятниками, но уже для тройки нужны шоссейные дороги, ибо даже русская тоска стала утилитарной» (В. Набоков. Дар).

Степень контаминированности усиливается, но уже «в пользу» Горация, когда собственно пушкинская часть эксплицитируется только за счет знака фонетического смягчения (РУСЬ – О, RUS!):

О, RUS!...
Боюсь!.. Боюсь!..
А ты не бойся, не бойся.

(И. Бурихин. О превращении Большой Медведицы в круглое тело евразийского континента и двубегемотие на ее панцире).

Пародийное обращение с латынью часто встречаются в русской литературе, в том числе «у Пушкина, Гоголя, Некрасова и Щедрина, любивших сталкивать лбами разные языки» [26, с. 159]. Этот прием выступает как дериватор, сопровождающий модификацию интертекстовой единицы. Стимулом для обыгрывания пушкинского эпиграфа становится словообразовательная ассоциативная связь («русистика» > О РУСЬ!]: «Но я, конечно, не прав: при чем тут Париж, когда я нахожусь в грандиозном пространстве Большой ДЕРЕВНИ <...> Имя ДЕРЕВНИ – Наука РУСИСТИКА (дошутился Александр Сергеевич: О RUS – О РУСЬ!)» [27, с. 52].

О пушкинской детали «И СТАИ ГАЛОК НА КРЕСТАХ» (7, XXXVIII) и реакции митрополита Филарета, усмотревшего «оскорбление святыни», пишет А. В. Никитенко [24, с. 139]. Этот стих возникает как прецедентный раритет в измененном скрытом цитировании:

Навстречу курьерскому, от города, как от моря,
По воздуху мчатся огромные рощи.
ЭТО ГАЛКИ, КРЕСТЫ и сады, и подворья
В перелетном клину пустырей.
(Б. Пастернак. Город).

Образ «галок и крестов» порождает текстовые параллели: «Раз вспоминали о храмах преимущественно в эмиграции (Сергей Горный, Дм. Кленовский, Алексей Угрюмов), когда от тех остались развалины да склады вторсырья. Одна Ахматова изначально видела в этой царской резиденции "ВОРОН НА СОБОРНЫХ КРЕСТАХ" (впрочем, не пушкинские ли это "СТАИ ГАЛОК НА КРЕСТАХ" из "Евгения Онегина"?)» (А. Арьев. Великолепный мрак чужого сада).

Вариантность цитаты дает то, что Ю. К. Щеглов называет «парадигмой», системой вариантов, «разветвлений и комбинаторных потенциалов» [36, с. 32]. Продолжая мысль Ю. К. Щеглова, можно предложить обозначение «интертекстовая интерпретационная парадигма». В примере ниже речь идет о сегментации содержательной структуры цитаты. Например, шутивная пушкинская оценка круга чтения Татьяны Лариной *британской музы* *небылицы* *тревожат сон* *отроковицы* (3, XII) функционально может быть ориентирована на актуализацию разных компонентов («отроковица – небылица»). Так,

в научно-популярной статье, посвященной особенностям юного возраста, пушкинские слова осмысляются, и довольно обстоятельно: «Есть в романе и откровенные намеки на юный возраст Татьяны. "ОНА В СЕМЬЕ СВОЕЙ РОДНОЙ КАЗАЛАСЬ ДЕВОЧКОЙ чужой". В куклы и горелки не играла, с младшей Оленькой и ее "маленькими подругами" на луг не ходила. А взахлеб читала любовные романы.

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

(Отрок, отроковица – возраст от 7 до 15 лет, утверждает знаменитый толковый словарь Владимира Даля) (А. Котровский. Взгляд сексолога на роман «Евгений Онегин»).

Интерпретационный «зигзаг» пушкинской оценки встречаем при актуализации компонента «небылицы» при негативной оценке газетной информации: «"Что в газете, Андреич? – спросил Нержин. Потапов, шурясь с хохлацкой хитрецей, посмотрел вверх на свесившегося Нержина:

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

Эти наг-ле-цы утверждают, что...". Тому уже шел четвертый год, как Нержин и Потапов встретились в гудящей, тревожной, избыточно переполненной, даже в июльские дни полутемной бытырской камере второго послевоенного лета» (А. Солженицын. В круге первом. Т. 1).

Сегментация исходного фрагмента достигает своего типологического предела в центоне, т. е. шутивном обыгрывании, основанном на сочетании стихов из разных произведений и авторов или мест одного и того же произведения. Художественный эффект центона – «в подобию или контрасте нового контекста и воспоминаний о прежнем контексте каждого фрагмента» [2, с. 492]. Так, стих *Онегин тихо увлекает Татьяну в угол* (5, XX) дает толчок к сниженному цитированию. Возникает шутивное обыгрывание, состоящее из сочетания прецедентных раритетов, соотносимых с разными местами из романа в стихах:

ОНЕГИН ТИХО УВЛЕКАЕТ
ТАТЬЯНУ В УГОЛ И СЛАГАЕТ
ЕЕ НА ШАТКУЮ СКАМЬЮ,
И КЛОНИТ ГОЛОВУ СВОЮ.

ЛЮБИМЕЦ ТАНИ... ОН ОТРАДЫ
 ВО ВСЕХ ПЕЧАЛЯХ ЕЙ ДАРИТ
 И БЕЗОТЛУЧНО С НЕЮ СПИТ.
 СИЛЬНЕЕ СТРАСТЬ ЕЕ ГОРИТ!

(Т. Кибиров. Выбранные места из неотправленных E-MAIL-ов. Вольная поэма).

Восприятие прецедентных единиц зависит от компетенции читателя и требует комментария. Редкое употребление обычно не является уникальным, особенно если речь идет о таком явлении, как «Евгений Онегин». Например, образы из сна Татьяны (5, XVII) появляются в заметке о «босхианском собрании» у Пушкина [22, с. 237]. Весь эпизод создает довольно разветвленную интертекстовую ситуацию, позволяющую связать возникающие события с деривационной базой (соотносимой с творчеством Иеронима Босха, фольклорными мотивами, политическими событиями). Такой синтез свидетельствует о том, «какими богатыми и разнообразными могли быть жизненные впечатления поэта, слитые в один образ романа» [3, с. 35].

Босхианские персонажи охватываются интертекстовой динамикой. Выражение *карла с хвостиком*, *контаминированное с череп на гусяной шее вертится в красном колпаке*, встречается у Т. Толстой в оценке пушкинской творческой фантазии: «Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа <...> **КАРЛА В КРАСНОМ КОЛПАКЕ**» (Т. Толстая. Сюжет).

Ассоциативная энергия вызывает пушкинское слово в анализе истории слова «карла» в русском языке: «Карлик», по всей видимости, – это форма, произведенная выравниванием от слова «карлица», поскольку <...> «карлик» фиксируется словарями русского языка с 1792 года, а «карлица» – с начала 18 века <...>. Это слово успело укорениться не только в смысле «человек странных пропорций», но и в смысле «необычное или сверхъестественное существо». Данное слово имеет в русском языке негативные ассоциации <...> У Пушкина в сне Татьяны мы находим все эти коннотации:

ЗДЕСЬ ВЕДЬМА С КОЗЬЕЙ БОРОДОЙ,
 ТУТ ОСТОВ ЧОПОРНЫЙ И ГОРДЫЙ,
 ТАМ КАРЛА С ХВОСТИКОМ, А ВОТ

ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ». (С. Таскаева, Д. Виноходов. О карлах и гномах. К вопросу о переводческих традициях).

Показательно, что эпиграфом к работе С. Таскаевой и Д. Виноходова даются слова из басни И. А. Крылова «Ворона»: «Если карлой сотворен, / То в великаны не тянися» [34, с. 3]. В результате возникает эффект расширения интертекстового поля.

Измененные пушкинские образы встречаем у Велимира Хлебникова:

«ПОЛУВЕЛИКАН, ПОЛУЖУРАВЕЛЬ,

Он людом грозно правил...»

(Велимир Хлебников. Журавль).

Обыгрывание эпизода попадает и в материалах Интернета:

– ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ. Есть мнение, что все мы снимся Пушкину.

– Пытаюсь выбрать, кем в таком случае лучше оказаться: ПОЛУКОТОМ или ПОЛУЖУРАВЛЁМ. Может быть, всё же есть получше варианты? (GITERLEO. ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ (<https://giterleo.livejournal.com/137372.html>)).

Рассказ (тема) о событии, месте, предмете обсуждения нередко выступает как стимул, приводящий к текстовой реакции, основанной на прямой или косвенной связи с «Евгением Онегиным». Так, в монографии Е. Д. Юхневой об истории доходных домов в Санкт-Петербурге и украшении их «цельными окнами» в главе «Стекло и витражи» [37, с. 45] привлекается интертекстовое «подкрепление», соотносимое с романом в стихах (1, XXVII). Главу открывает эпиграф *Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят*. Глава «Свечное освещение» [37, с. 178] сопровождается эпиграфом *При свечке Шиллера открыл (6, XX)*.

Тема-стимул «шампанское вино» часто дает реакцию в виде серии цитат из разных мест романа в стихах (1, XVI, 4, XLV), например: «Три заводские марки – брют, сухое, полусухое отмечены Знаком качества, медалями и Гран-при международных конкурсов. Лестная мысль – ОНЕГИН с ЛЕНСКИМ наверняка отдали бы ему предпочтение из многих «ВИН КОМЕТЫ» ... Вино подается «В БУТЫЛКЕ МЕРЗЛОЙ» ИЗ ВАННЫ СО ЛЬДОМ и СТРЕЛЯЕТ ПРОБКАМИ... «БЛАГОСЛОВЕННОЕ

ВИНО» ... Во времена ОНЕГИНА его поставляли в Россию французские фирмы (Смена. 1981. 27 дек.); [Загол.] «ВИНА КОМЕТЫ БРЫЗНУЛ ТОК» ... В тексте: «Пожалуй, ни с каким другим напитком не связано столько легенд, традиций и даже стереотипов, сколько их существует вокруг шампанского» (Невское время. 1998. 7 мая).

Кофейная тема также стимулирует обращение к тексту романа в стихах. Слова, восходящие к «Отрывкам из путешествия Онегина», встречаем в заметке о кофейных традициях в России: «Есть кофе. Напиток, который стал моей профессией <...> Именно в Одессе Пушкин пишет – "КАК МУСУЛЬМАН В СВОЕМ РАЮ, С ВОСТОЧНОЙ ГУЩЕЙ КОФЕ ПЬЮ"» (А. Стукалов. Кишинев, Одесса, кофе и Пушкин); «"КАК МУСУЛЬМАН В СВОЕМ РАЮ, С ВОСТОЧНОЙ ГУЩЕЙ КОФЕ ПЬЮ", – читаем мы у Пушкина <...> В эпоху великого русского поэта заморский кофе в России стоил в зависимости от сорта» (Л. Бритенкова. Самовары-кофейники и кофейные традиции императорского Петербурга).

Кофейные мотивы могут выступать в функции реминисценции. Отмечая текстовые параллели у И. Бродского с «Евгением Онегиным», Л. Лосев пишет о возможном применении слов *потом свой кофе выпивал* (4, XXXVI–XXXVII) в новом контексте [12, с. 606]. Показательно, что сама текстовая ситуация у Пушкина («*И отправлялся налегке К бегущей под горой реке*») участвует в интертекстовом деривационном шаге («река – море»):

Свершивший туалет без мыла
 Пророк, застигнутый врасплох
 При сотворении кумира,
 СВОЙ ПЕРВЫЙ КОФЕ ПЬЕТ УЖЕ
 На набережной в неглиже.
 Потом он прыгает в прибой, но в схватке рукопашной
 Он терпит крах.
 (И. Бродский. С видом на море).

Чайная тема достаточно регулярно порождает текстовую реакцию. Строки из 3, XXXVII вводятся в заметку о церемонии чаепития у русских помещиков: «Чайный стол сервировали заранее. Удовольствие разливать чай за столом хозяйка могла уступить только взрослой дочери. Чай у Лариных в "Евгении Онегине" наливает гостям не хозяйка дома, а ее дочь Ольга:

РАЗЛИТЫЙ ОЛЬГИНОЙ РУКОЮ,
ПО ЧАШКАМ ТЕМНОЮ СТРУЕЮ
УЖЕ ДУШИСТЫЙ ЧАЙ БЕЖАЛ,
И СЛИВКИ МАЛЬЧИК ПОДАВАЛ».

(Е. Лаврентьева. Культура застолья XIX века).

Эти же слова встречаем в негативном отзыве о рекламе чая: «Современные бизнесмены беззастенчиво используют Пушкина в рекламе <...>. Один из образцов <...> показывают сегодня в рекламе чая:

РАЗЛИТЫЙ ОЛЬГИНОЙ РУКОЮ,
ПО ЧАШКАМ ТЕМНОЮ СТРУЕЮ
УЖЕ ДУШИСТЫЙ ЧАЙ БЕЖАЛ,
И СЛИВКИ МАЛЬЧИК ПОДАВАЛ...

И производители чая дополняют Пушкина своей строкой, которую якобы озвучивает МАЛЬЧИК, ПОДАВАВШИЙ СЛИВКИ: "Вкуснее чая не видал!" <...> Это и есть интеллектуальный уровень тех бизнесменов, которые зарабатывают на нас с вами хорошую прибыль, смешивая чай с опилками, ароматизаторами, улучшителями вкуса и цвета» (Т. Асанов. Трудно быть Пушкиным).

Рассказ об употреблении чая с ромом также сопровождается иллюстративной реакцией из «Евгения Онегина» (5, XXXVII. XXXIII. XXXIX): «Со времен войны 1812 года широко известен был ЧАЙ С РОМОМ, неоднократно упоминаемый А. С. Пушкиным:

ОСТАВЯ ЧАШКУ ЧАЮ С РОМОМ,
ПАРИС ОКРУЖНЫХ ГОРОДКОВ,
ПОДХОДИТ К ОЛЬГЕ ПЕТУШКОВ».

(Е. Лаврентьева. Культура застолья XIX века).

Материалы о русском национальном напитке – квасе – устойчиво дают отсылку к «Евгению Онегину» – *им квас как воздух был потребен* (2, XXXV) в рассказе об обычаях и привычках семьи Лариных: [Загол.] «ИМ КВАС КАК ВОЗДУХ БЫЛ ПОТРЕБЕН», – Александр Сергеевич Пушкин. [В тексте] Русский квас – один из лучших безалкогольных напитков. По вкусовым и пищевым качествам он не имеет себе равных. Изобретенный более тысячи лет назад, квас пользуется заслуженной популярностью и в настоящее время» (Московские ведомости. 8 июня 2012 г.); [Загол.] «ИМ КВАС КАК ВОЗДУХ

БЫЛ ПОТРЕБЕН... [В тексте] Занимаясь летней уборкой в кухонном шкафу, я нашла задвинутый в самый дальний угол пакет с надписью "КВАС сухой хлебный". Ведь купила зачем-то. Значит, были намерения. Значит, хотела вспомнить, какой был. Просто руки не дошли. А на самом деле, в глубине души ПОТРЕБЕН. И срок годности на пакете еще не истек» (И. Васильева. О литературе и жизни – со вкусом).

Нередко характеристика или даже упоминание современников Пушкина сопровождается в том или ином виде отсылкой к соответствующему месту «Евгения Онегина». Например, как реакция на образ А. К. Ипсиланти в заметке о нем возникает выражение *безрукий князь* (10, IX). Ср. в скептической оценке деятельности А. К. Ипсиланти: «В Кишиневе Ипсиланти близко сошелся с будущими декабристами и молодым Пушкиным, который позже в "Евгении Онегине" упомянул его как "БЕЗРУКИЙ КНЯЗЬ ДРУЗЬЯМ МОРЕИ ИЗ КИШИНЕВА УЖ МИГАЛ". <...> В Греции Александр Ипсиланти считается героем национально-освободительной борьбы. Правда, когда он эту борьбу начал, его поддержали немногие» (Д. Карасюк. Александр Ипсиланти: БЕЗРУКИЙ горе-заговорщик).

Высокая степень ассоциативности проявляется в содержании популярного этимологического словаря для школьников, в предисловии к которому особо оговариваются «примеры из классической и современной русской художественной литературы» [8, с. 3]. Большинство словарных статей содержит пушкинский материал, при этом «Евгений Онегин» преобладает. Заголовок статьи является стимулом, на который возникает реакция уже в тексте этимологического этюда. Так, статья «авгур» получает эпиграф из ранних редакций романа в стихах: «как Цицероновы авгуры, Мы рассмеялись тишком» (Отрывки из путешествия Онегина. Черновая рукопись). В этюде «аи» (сорте шампанского) возникают две цитаты: «К Аи я больше не способен: Аи любовнице подобен...» (4, XXXXVI) и «Как зашипевшего Аи струя и брызги золотые» («Отрывки из путешествия Онегина»). Соответственно статья «альбом» дает эпиграф «Великолепные альбомы, мученье модных рифмачей» (4, XXX), «кукла» – «И столбик с куклою чугунной» (7, XIX), «отрада» – «Нигде, ни в чем ей нет отрад» (7, XIII), «пальцы» – «Склонясь на пальцы, узором шелковым она Не оживляла

полотна», «трепак» – «Да пьяный топот трепака, Перед пологом кабака» («Отрывки из путешествия Онегина») и мн. др.

Перед нами прецедентные раритеты, возникающие в памяти и в значительной степени так или иначе узнаваемые. Такого рода фоновый идиоматический материал Логан П. Смит называет «маленькими искорками жизни и энергии в нашей речи; они похожи на витамины в нашей пище» [33, с. 172]. Книга очерков об историзмах и архаизмах Н. П. Матвеевой «Свидетели истории народа» поражает обилием параллелей с текстом пушкинского романа в стихах. Онегинские прецедентные раритеты иллюстрируют почти каждое положение этого издания: *умолкнувшая лира, страдальческая тень, животворящий глас, таинственное древо, уста жуют, сосед сопит перед соседом, зимний друг ночей* [15, с. 54] и мн. др.

Лингвисты обращаются к тексту романа в стихах. Иллюстрируя материал, В. В. Виноградов отмечал, что мужской род слова «боа» в тексте «Евгения Онегина» (8, XXX) обусловлен грамматическим родом языка-источника [1, с. 55]. В этимологическом комментарии словообразовательного варианта «отворять – открывать» как явления живой речи Ю. В. Откупщиков пишет о неуместности «ориентироваться на этимологию слов» [29, с. 125] и цитирует слова из разговора Татьяны с няней *открой окно да сядь ко мне* (3, XVII).

Нередки обращения к авторским Примечаниям к «Евгению Онегину». Так, в анализе истории русских имен и, в частности, имени Татьяна В. А. Никонов дает отсылку к словам Пушкина в Примечании (13): «Именник купчих, даже московских, во второй половине века все же ближе к крестьянскому, чем к дворянскому <...> Степанида, Татьяна, Устинья. Изумительное чутье Пушкина безошибочно подсказало ему имя героини “Евгения Онегина”» (2, XXIV) [25, с. 53].

Вообще обращение к Примечаниям к «Евгению Онегину» встречается часто. В наш словарь в качестве отдельных статей вошли такие интертекстовые единицы, как *балеты г. Дидло исполнены живости воображения; известный ресторатор; писано в Бессарабии; черта охлажденного чувства* и др. Закрытые, казалось бы, для читателя участки романа в стихах («другие редакции», «варианты», «черновые рукописи») дают полноценные контексты (*пролаз, нулек на ножках; проснулся*

раз он патриотом дождливой, скучною порой; боа соболий; как гонит бич в песку манежном по корде резвых кобылиц и мн. др.).

Обсуждение и выводы

В значительной степени воплощаемая нами лексико-графическая концепция была обусловлена словарными изданиями М. И. Михельсона (у которого, в частности, онегинское слово является и объектом, и средством толкования), основанными на прецедентной раритетности. Свою гибкую интерпретационную методику М. И. Михельсон сопровождает характеристикой – «совокупность приемов, объединяющих физиономию речи» [17, с. IV].

Два столетия отделяют нас от начала работы Пушкина над «Евгением Онегиным». Восприятие читателями романа в стихах не оставалось неизменным. При этом и смысловая канва, и оценка описываемых ситуаций переосмысливались, что-то теряло актуальность. Не оставался неизменным и сам набор крылатых слов и выражений, расширялся его вариантный диапазон. И тем не менее, несмотря на двухсотлетние мутации, существовали и по-прежнему существуют преемственность и постоянство в обращении к пушкинскому слову.

При этом «долгожительство» и «узнаваемость» крылатых выражений Пушкина обеспечивается сохранностью структурно-семантической модели, генерирующей самые прихотливые варианты. Возникает двухсотлетняя интертекстовая парадигма – преемственность, динамика, функциональная и содержательная. Текст «Евгения Онегина» выступает как макротекст, т. е. «целостное образование, единство которого зиждется на тематической общности входящих в него единиц» [4, с. 216]. Макротекст сегментируется на микротексты, т. е. «относительно самостоятельные структурно-смысловые или синтактико-тематические единицы» [5, с. 230]. В качестве же микротекста выступает, прежде всего, онегинская строфа. Пушкинский роман в стихах является прецедентным макротекстом, дающим собственно прецедентные феномены («хрестоматийные») и нечастотные единицы – интертекстовые прецедентные раритеты. Возникает функциональная амплитуда: от прецедентного текста и прецедентного феномена к интертекстовому прецедентно-

му раритету, когда чуть ли не весь текст романа в стихах готов в той или иной степени к цитированию. Сходное положение видим при обработке басен И. А. Крылова. Весь корпус басен так или иначе отразился в цитировании, при этом большая часть материала дает именно прецедентные раритеты, не входящие «в хрестоматийный канон» [18, с. 5].

При лексикографической интерпретации интертекстового материала из «Евгения Онегина» упор делался на приемы адаптации авторского слова, среди которых выделяются интертекстовая деривация и редеривация, импликация и экспликация, текстовые реакции, проблема «своего и чужого», интертекстовая доминанта и нарративные сопроводители, модификация исходного выражения, интерпретационная парадигматика. Интертекстовые единицы целесообразно рассматривать функционально с учетом изменяемости, вариантности, структурного и семантического дробления, ассоциативной подвижности, «антинормативности», многообразия и разнородности иллюстративных контекстов. Фактическое присутствие онегинского слова в русской речи свидетельствует об этом.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
2. Гаспаров М. Л. Центон // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 492.
3. Гречина О. И. О фольклоризме «Евгения Онегина» // Славянские литературы и фольклор. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 18–41 (Русский фольклор. XVIII).
4. Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 216–221.
5. Данилевская Н. В. Микротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 230.
6. Дмитриев М. А. «Евгений Онегин». Роман в стихах. Соч. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. – СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. – С. 47–56.
7. Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. – М.: Словари XXI века, 2019. – 624 с.
8. Из истории русских слов: Словарь-пособие / Аникин А. Е., Корнилова И. А., Младенов О. М. и др. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2022. – 264 с.
10. Коваленко С. А. Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. – М.: Современник, 1989. – 480 с.
11. Кюхельбекер В. К. Дневник (1831–1845) // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – С. 64–433.
12. Лосев Л. В. Примечания // Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. – СПб.: Лениздат; Кн. лаборатория, 2017. – Т. 1. – С. 485–728.

13. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
14. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. – М.; Л.: Просвещение, 1966. – 275 с.
15. Матвеева Н. П. Свидетели истории народа: Наследие пращуров. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
16. Медриш Д. Я. Язык поверий и примет // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 92–96.
17. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – СПб.: [Б. и.], 1902–1903. – Т. 1. – 779 с.
18. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: Словарь. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – 796 с.
19. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Мой дядя самых честных правил»: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря. – СПб.: ЛЕМА, 2022. – 536 с.
20. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
21. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Нева, 2005. – 800 с.
22. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. – СПб.: Искусство-СПб; «Набоковский фонд», 1998. – 928 с.
23. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. вводн. текстов Г. Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 127 с.
24. Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. – Т. 1: 1826–1857. – 539 с.
25. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
26. Новиков В. И. Книга о пародии. – М.: Советский писатель, 1989. – 544 с.
27. Новиков В. И. Роман с языком. Три эссе. – М.: Аграф, 2001. – 320 с.
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (А–Я). – М.: Азъ, 1992. – 907 с.
29. Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
30. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: [В 17 т.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6. – 699 с.
31. Сидоренко К. П. Цитаты из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в текстах разного жанра. – СПб.: Образование, 1998. – 318 с.
32. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. – СПб.: В Типографии Имп. АН, 1847. – Том II. – 471 с.
33. Смит Л. П. Фразеология английского языка. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 208 с.
34. Таскаева С., Виноходов Д. О карлах и гномах: К вопросу о переводческих традициях // Палантир. – 2001. – № 24. – С. 3–10.
35. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы: Опыт словаря. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 216 с.
36. Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. – СПб.: ГИПЕРИОН, 2004. – 720 с.
37. Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: Очерки из истории быта. – М.: Центрполиграф, 2021. – 491 с.
38. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 272–316.

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 50/50 %

Valery M. Mokienko, Konstantin P. Sidorenko

"Eugene Onegin" in Russian Speech: from a Precedent Text to a Precedent Rarity

"Eugene Onegin" is a precedent macro-text giving precedent phenomena and non-frequency units themselves - intertext precedent rarities. A functional amplitude arises: from a precedent text and a precedent phenomenon to an intertext precedent rarity, when almost the entire text of the work is ready to cite to one degree or another. In the lexicographic interpretation of intertext material, emphasis is placed on the methods of adapting the author's word, among which intertext derivation and rederivation, implication and explication, textual reactions, intertext dominant and narrative accompanying agents, modification of the original expression, interpretive paradigm. Intertext units should be considered functionally, primarily taking into account variability, variability, structural and semantic crushing, associative mobility, "antinormativity".

Key words: macrotext, microtext, precedent phenomenon, precedent rarity, segmentation, associativity, modification of the author's word, intertext derivation.

For citation: Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. (2023) «Evgenij Onegin» v russkoj rechi: ot precedentnogo teksta k precedentnomu raritetu ["Eugene Onegin" in Russian Speech: from a Precedent Text to a Precedent Rarity]. *Art Logos - The Art of Word*. No. 4. Pp. 158-177. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_158. EDN: HOZNCW

References

1. Vinogradov, V. V. (2001) *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
2. Gasparov, M. L. (1987) Tsenton [Centon]. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'*; pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. [Literary Encyclopedic Dictionary, eds. V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 492. (In Russian).
3. Grechina, O. I. (1978) O fol'klorizme «Evgeniya Onegina» [On the folklorism of "Eugene Onegin"]. *Slavyanskie literatury i fol'klor* [Slavic Literature and Folklore]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 18-41. (Russkij fol'klor. XVIII [Russian folklore. XVIII]). (In Russian).
4. Danilevskaya, N. V. (2003) Makrotekst [Macrotext]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka, pod red. M. N. Kozhinoj* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, ed. M. N. Kozhina]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. Pp. 216-221. (In Russian).
5. Danilevskaya, N. V. (2003) Mikrotekst [Microtext]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka, pod red. M. N. Kozhinoj* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, ed. M. N. Kozhina]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. P. 230. (In Russian).
6. Dmitriev, M. A. (2001) «Evgenij Onegin». Roman v stikhakh. Soch. Aleksandra Pushkina ["Eugene Onegin". A novel in verse. Op. Alexander Pushkin]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike: 1828-1830* [Pushkin in lifetime criticism: 1828-1830]. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskij teatral'nyj centr Publ. Pp. 47-56. (In Russian).
7. Dyadechko, L. P. (2019) *Slovar' krylatykh slov i vyrazhenij nashego vremeni* [Dictionary of winged words and expressions of our time]. Moscow: Slovarei XXI veka Publ. (In Russian).
8. Anikin, A. E. (1993) (eds.) *Iz istorii russkikh slov: Slovar'-posobie* [From the history of Russian words: Dictionary-allowance]. Moscow: Shkola-Press Publ. (In Russian).
9. Karaulov, Yu. N. (2022) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. *Izd. 2-e*. [2nd ed.]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian).
10. Kovalenko, S. A. (1989) *Krylatye stroki russkoj poezii: Ocherki istorii* [Winged lines of Russian poetry: Essays on history]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
11. Kuchelbeker, V. K. (1976) *Dnevnik (1831-1845)* [Diary (1831-1845)]. *Kuchelbeker, V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 64-433. (In Russian).

12. Losev, L.V. (2017) Primechaniya [Notes]. Brodskij, I.A. *Stihotvoreniya i poemy*: V 2 t. [Verse: In 2 vols]. St. Petersburg: Lenizdat; Knizhnaya laboratoriya Publ. Vol. 1. Pp. 485–728. (In Russian).
13. Lotman, Yu. M. (1980) *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij* [Roman A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
14. Manujlov, V. A. (1966) *Roman M. Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni»: Kommentarij* [Roman M. Yu. Lermontov "A Hero of Our Time": Commentary]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
15. Matveeva, N. P. (1993) *Svideteli istorii naroda: Nasledie prashchurov* [Witnesses to the history of the people: The heritage of the ancestors]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
16. Medrish, D. Ya. (1993) *Yazyk poverij i primet* [Language of beliefs and signs]. *Russkaya rech'* – Russian speech. No. 5. Pp. 92–96. (In Russian).
17. Mikhel'son, M. I. (1902–1903) *Russkaya mysl' i rech'*: *Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazanij* [Russian thought and speech: Own and alien: Experience of Russian phraseology: Collection of figurative words and allegories]. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russian).
18. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2018) *Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova: Slovar'* [Winged words of the fables of Ivan Andreevich Krylov: Dictionary]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russian).
19. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2022) «*Moj dyadya samyh chestnyh pravil*»: *Krylatye slova, citaty, obrazy iz romana v stikhakh A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Opyt slovaryja* [“My uncle has most honest principles”: Winged words, quotes, images from the novel in verse by A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Dictionary experience]. St. Petersburg: LEMA Publ. (In Russian).
20. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazhenij Pushkina* [Dictionary of winged words of Pushkin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; Folio-Press. (In Russian).
21. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2005) *Shkol'nyj slovar' krylatykh vyrazhenij Pushkina* [Pushkin's School Dictionary of Popular Expressions]. St. Petersburg: Publishing House Neva. (In Russian).
22. Nabokov, V. V. (1998) *Kommentarij k romanu A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Perevod s angl.* [Commentary on the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Transl. from English]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb; Nabokovskij fond. (In Russian).
23. Ryzhenkov, G. D. (1992) (ed.) *Narodnyj mesyaceslov: Poslovicy, pogovorki, primety, prislov'ya o vremenakh goda i o pogode* [Folk Menologion: Proverbs, sayings, signs, proverbs about the seasons and the weather]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
24. Nikitenko, A. V. (1955) *Dnevnik: V 3 t.* [Diary: In 3 vols.]. Vol. 1: 1826–1857. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. (In Russian).
25. Nikonov, V. A. (1974) *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
26. Novikov, V. I. (1989) *Kniga o parodii* [The book of parody]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
27. Novikov, V. I. (2001) *Roman s yazykom. Tri esse* [Romance with language. Three essays]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian).
28. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka (A–Ya)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language (A–Z)]. Moscow: Az Publ. (In Russian).
29. Otkupshchikov, Yu. V. (1986) *K istokam slova: Rasskazy o nauke etimologii. Kniga dlya uchashchikhsya* [To the origins of the word: Stories about the science of etymology. Book for students]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
30. Pushkin, A. S. (1937) *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin] Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: (V 17 t.)*. [Complete works: (In 17 vols)]. Vol. 6. Moscow: Akademiya nauk USSR Publ. (In Russian).
31. Sidorenko, K. P. (1998) *Citaty iz «Evgeniya Onegina» A. S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotations from "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin in texts of different genres]. St. Petersburg: Obrazovanie Publ. (In Russian).

32. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk (1847)* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. II. St. Petersburg: V Tipografii Imp. Akademiya nauk. (In Russian).

33. Smith, L. P. (1959) *Frazeologiya anglijskogo yazyka* [Phraseology of the English language]. Moscow: Gos. Uchebno-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. (In Russian).

34. Taskaeva, S., Vinokhodov, D. (2001) *O karlakh i gnomakh: K voprosu o perevodcheskikh traditsiyakh* [About dwarfs and gnomes: On the issue of translation traditions]. *Palantir* [Palantir]. No. 24. Pp. 3–10. (In Russian).

35. Chernyak, V. D., Sidorenko, K. P., Nosova, E. P. (2021) *Kroshka syn k otcu prishel: Precedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoj literatury: Opyt slovarya* [Baby son came to his father: Precedent names and sayings from children's literature: Dictionary experience]. St. Petersburg: Herzen University Publ. (In Russian).

36. Shcheglov, Yu. K. (2004) *Antiokh Kantemir i stikhotvornaya satira* [Antioch Kantemir and poetic satire]. St. Petersburg: GIPERION Publ. (In Russian).

37. Yukhneva, E. D. (2021) *Peterburgskie dohodnye doma: Ocherki iz istorii byta*. [Petersburg profitable houses: Essays from the history of life]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

38. Yakobson, R. O. (1987) *Novejshaya russkaya poeziya* [The latest Russian poetry] Yakobson, R. O. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow: Progress Publ. Pp. 272–316. (In Russian).

Об авторах

Мокиенко Валерий Михайлович, профессор Санкт-Петербургского государственного университета доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: mokienko40@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0264-0576

Сидоренко Константин Павлович, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: sidorenko274@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3424-1529

About the authors

Valery M. Mokienko, Professor, Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: mokienko40@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0264-0576

Konstantin P. Sidorenko, Professor, Herzen University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: sidorenko274@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3424-1529

дата получения: 19.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 19 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023